

УДК 340.115.3

DOI: 10.17223/1998863X/32/19

А.Б. Дидикин

ПРИЧИННОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

*Представлен анализ основных подходов к интерпретации причинности в правовой реальности. Рассмотрены наиболее известные концепции причинности и возможности их применения в сфере философии права, в частности при определении юридической ответственности. Обосновывается позиция о том, что специфика правовых отношений не позволяет решать вопросы ответственности за нарушение законов на основе концепции *conditio sine qua non*, распространенной на практике.*

Ключевые слова: аналитическая философия права, причинность, условия, юридическая ответственность, вменение, правовые принципы, правовая норма.

Особенности применения философских категорий и понятий в правовой сфере часто требуют конкретизации и дополнительного обоснования. В частности, широко известное понятие юридической ответственности в философии права с точки зрения правовых механизмов связано с таким большим количеством формальных условий, что для выявления причинно-следственных связей между эмпирически наблюдаемыми действиями и их юридической квалификацией требуется профессиональная аргументация, а также опора на общеправовые принципы. В уголовном праве это наиболее заметно, поскольку привлечение к ответственности за совершение преступления является формализованным процессом, где оценка фактов и событий совершенного деяния позволяет уполномоченным субъектам установить место и характер действий, признаваемых преступлением, а также учитывать морально-этический контекст поведения обвиняемого, в том числе его отношение к собственным действиям. В этом смысле в доктрине правового позитивизма справедливо указывается на то, что в уголовно-правовой сфере сближение моральных и правовых высказываний влияет на определение конкретных мер юридической ответственности, что подчеркивает актуальность переосмысления категории причинности в сфере правовой реальности [1].

В аналитической философии права причинность рассматривается в контексте условий совершения действий и тех последствий, которые могут иметь юридическое значение. Философский вопрос о том, что означает утверждение, будто А – причина В, на бытовом уровне может сводиться к сопоставлению разных, не связанных друг с другом событий. Между тем правовые последствия прямо или косвенно касаются причинения вреда, и для их анализа слово «причина» будет использоваться в несколько ином смысле. Если А – причина В, должно ли А быть достаточным условием В, необходимым условием, или ни тем, ни другим?

Г. Харт и Т. Оноре, рассматривая философскую концепцию Д. Юма, указывают на иной характер наших рассуждений о причинности, когда мы говорим о праве [2. Р. 353]. Эмпирические факты, образующие причинно-

следственную связь, могут оцениваться иначе, когда им приписывается юридическое значение. Например, присутствие кислорода в воздухе вряд ли признают основной причиной воспламенения дома, а значит, оцениваться будут другие возможные факторы причинения вреда. Точно так же как продажа оружия конкретному гражданину не будет в юридическом смысле выступать причиной выстрела, который наносит вред другому лицу или его имуществу. Концепция ближайшей причины, по мнению Г. Харта, для правовой реальности будет неверна, поскольку предположение, что причинение вреда непосредственно связано с поведением конкретного лица, не учитывает влияния иных причин и условий совершения действий. В то же время и известное утверждение Д. Юма о недоказуемости причинных связей между двумя событиями, когда действие не содержится в причине, не похоже на нее и не выводимо из нее, также не в полной мере раскрывает особенности правовых связей между событиями и действиями [3. Р. 506].

В философии права и практической юриспруденции существующие концепции причинности также основываются на характеристике условий, при которых причина порождает следствие. Самой распространенной является концепция *conditio sine qua non* о причине как основном условии, без которого последствия не возникают. Тем самым действия человека признаются причиной правонарушения, если они были одним из необходимых условий наступления негативных последствий. При оценке доказательств такой связи между действиями и их последствиями все условия рассматриваются как равнозначные, и среди них находят те, без которых последствия не наступили бы на основе мысленного исключения всех второстепенных условий. Иными словами, если при таком гипотетическом исключении выяснится, что причинение вреда все равно произошло бы, это позволяет не оценивать определенные действия как необходимое условие. Так, например, если разрушение недостроенного дома произошло из-за использования строительного материала низкого качества или неправильно составленного проекта строительства, сами по себе неправильные действия человека не будут с точки зрения данной концепции считаться причиной происшествия. В то же время для юридической оценки также имеет значение физическое и ментальное состояние лица, совершившего неправомерное действие, а также учет влияния внешнего фактора – сил природы или форс-мажорных обстоятельств [4. С. 215].

На практике такая концепция решающей причины как необходимого условия приводит к смешению различных уровней причинности и невозможности разделения абстрактных и конкретных условий причинения вреда. Попытки рассматривать право исключительно как социальный регулятор поведения способствуют поиску причинности в контексте естествознания, либо определению наиболее типичных, схожих причин совершения аналогичных действий. В конечном итоге невозможность подобной аналогии предполагает принятие судебного решения на основе имеющихся фактов, без их надлежащей правовой оценки и с использованием неограниченного усмотрения. Формализация судебного процесса в данном случае лишь ограничивает такое усмотрение необходимостью соблюдения правовых норм.

В аналитической традиции переосмысление причинности в праве в наиболее аргументированном виде можно увидеть в нормативизме Г. Кельзена.

Обособление правовой реальности от социальных отношений и конструирование «чистой теории права» позволяют раскрыть содержание правовых отношений на иной методологической основе. Ключевой тезис нормативизма состоит в отрицании причинности в правовой реальности и необходимости поиска других аргументов для обоснования правовых связей между субъектами права: «Как и закон природы, правило законности связывает элементы друг с другом. Но связь, описываемая правилом законности, в своем значении полностью отличается от причинности. Очевидно, что уголовный деликт не связан с наказанием, и гражданско-правовой деликт не связан с исполнительным производством, так же как причина со следствием» [5. С. 272]. В чем состоит отличие? Кельзен характеризует правовую реальность как связь бытия (правовых отношений) и долженствования, заложенного в предписаниях правовых норм. Сами по себе эмпирические действия не порождают юридических последствий, поскольку действие является лишь проявлением воли человека во внешнем мире и состоит в сочетании отдельных фактов, каждый из которых требует интерпретации, чтобы стать юридическим фактом как основой для появления правовых отношений. Таким образом, «связь между деликтом и юридической санкцией устанавливается действием или же действиями человеческих существ с помощью правотворческого акта, что означает действие, значение которого нормативно» [5. С. 272]. Тем самым правовые высказывания не описывают причинно-следственные связи в физическом мире, а являются инструментом интерпретации фактов. Природа права становится преимущественно лингвистической, а не социальной, так как, «используя фигуры речи, мы говорим, что таким нормативным действием что-либо «делается» или «создается» в том смысле, что значение акта является нормой» [5. С. 272]. Кельзен вместо причинности предлагает использовать понятие «вменение», на основе которого могут анализироваться правовые отношения и ситуации, когда действия оцениваются как причина возникновения позитивных или негативных последствий. Позднее данный тезис получит развернутый анализ в трудах Дж. Остина и Г. Харта, где будет раскрыто неверное представление о правовых высказываниях как дескриптивных, фиксирующих эмпирические факты [6]. Аскриптивный характер правовых высказываний позволяет интерпретировать такие факты в контексте действующих законов, анализа достоверности доказательств и прецедентной практики судов. Именно такое понимание онтологии правовой реальности в аналитической философии права способствует и переосмыслению причинности в праве.

Аналитический подход Г. Харта и Т. Оноре предполагает разделение причин, условий и следствий, создающих предпосылки для поведения субъектов и прогнозирования его последствий. Понятие причины в этом смысле является более глубоким, чем условия, определяющие возможность поведения. Разделение нормативного и дескриптивного основывается на сравнении обычного состояния дел и специфической ситуации, порождающих негативные последствия. Если здание разрушено огнем, то присутствие горючего материала в данной ситуации будет простым условием, без которого возгорание не произошло бы. Но для юридической характеристики происшествия необходим анализ оснований для совершения действий, причем действий,

являющихся возможной причиной происшествия. Тезис Г. Харта и Т. Оноре состоит в том, что юридическая интерпретация фактов основывается на признании свободной деятельности человека, выбора им разных вариантов поведения (что исключает поиск решающей причины, как в обыденной ситуации), и связи таких действий с нетрадиционными условиями, при которых субъект совершает действия. Бездействие также может подлежать оценке, например, в случае, когда управление автомобилем как источником повышенной опасности предполагает соблюдение правил дорожного движения и проверки исправности двигателя. Несовершение необходимых действий также может быть оценено как причина происшествия и наступившего вреда.

Таким образом, причинность в праве и ее анализ в конкретных правовых отношениях в значительной степени основываются на лингвистической интерпретации правовых норм, их логическом толковании и необходимости абстрагироваться от социального контекста для оценки совершенных человеческих действий в свете юридической ответственности. Такой подход в аналитической традиции раскрывает инструментальную роль права, возможность преодоления неопределенности при принятии правовых решений и отсутствие необходимости поиска единственно возможной причины.

Литература

1. Дидикин А.Б., Оглезнев В.В. *Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012.
2. Hart H.L.A., Honore A. *Reasons and Causes in the Law // Twentieth-Century Philosophy: the Analytic Tradition*. Edited and Introduction with Morris Weitz. NY, London, 1966. P. 352–361.
3. Foot Ph. Hart and Honore: Causation in the Law // *The Philosophical Review*. 1963. Vol. 72, № 4. P. 505–515.
4. Оглезнев В.В. Некоторые замечания к теории об основаниях для действия // *Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология*. 2015. № 2. С. 214–220.
5. Кельзен Г. *Причинность и вменение* / пер. с англ. А.Б. Дидикина // *Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2015. Т. 9, вып. 2. С. 265–283.
6. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.

Didikin Anton B. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/32/19

CAUSALITY AND RESPONSIBILITY: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS

Keywords: analytical legal philosophy, causation, conditions, legal responsibility, imputation, legal principles, legal norm.

The paper presents an analysis of the main approaches of causality in legal reality. The most famous conceptions of causality and the possibility of their application in legal philosophy, in particular in the determination of legal responsibility are considered. The paper substantiates the position that the specificity of legal relations does not settle the question of responsibility for the violation of laws based on conception of a *conditio sine qua non*, common in practice.

References

1. Didikin, A.B. & Ogleznev, V.V. (2012) *Ontologiya i epistemologiya prava: analiticheskaya traditsiya* [Ontology and epistemology of law: the analytic tradition]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
2. Hart, H.L.A. & Honore, A. (1966) *Reasons and Causes in the Law*. In: Weitz, M., Edwards, P. & Popkin, R. (eds) (1966) *Twentieth-Century Philosophy: the Analytic Tradition*. New York, London: Free Press. pp. 352–361.

3. Foot, Ph. (1963) Hart and Honore: Causation in the Law. *The Philosophical Review*. 72(4). pp. 505–515.
4. Ogleznev, V.V. (2015) Several remarks to reasons for action. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(30). pp. 214-220. DOI: 10.17223/1998863/30/23
5. Kelzen, G. (2015) Prichinnost' i vmenenie [The reasons and imputation]. Translated from English by A.B. Didikin. *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 9(2). pp. 265–283.
6. Ogleznev, V.V. (2012) *G.L.A. Hart i formirovanie analiticheskoy filosofii prava* [G.L.A. Hart and the formation of analytic philosophy of law]. Tomsk: Tomsk State University.